

А. Н. Безруков

ББК 84 (2Рос-Рус)

УДК 82.02

А. Н. Безруков¹

Башкирский государственный университет,

Бирский филиал

in_text@mail.ru

**РЕДУКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОЗЕ ПОСТРЕАЛИЗМА (ЦИКЛ «ТУМАННЫЕ АЛЛЕИ»
АЛЕКСЕЯ СЛАПОВСКОГО)**

В данной статье предпринята попытка описания специфики художественного нарратива в прозе Алексея Слаповского. Он является продолжателем наследия литературной классики конца XIX – начала XX века. Творчество писателя целесообразно соотносить с вариацией дальнейшего развития русского реализма, с его новым этапом. Данный тип эстетической системы правильнее оценить как постреализм. Тексты Алексея Слаповского привлекают тем, что в них органично продолжается литературный диалог, который целостен, вариативен, нетривиален. Автор ориентирует на подобный эксперимент и своего потенциального читателя, используя, в частности, принципы интертекстуальной игры. Литературной базой работы является сборник рассказов Алексея Слаповского «Туманные аллеи». На наш взгляд, буквальный диалог с «Темными аллеями» И. А. Бунина для писателя-постреалиста является вариантом переосмысления ряда тем, наиболее существенных для современности. У Слаповского формат рассказа редуцирован, сюжет подвергнут трансформации, но аллюзийный фон остается, ибо он является связующим звеном между крайностями разных исторических эпох. Анализ рассказов компилятивен, так как основная цель статьи в определении магистральных координат, ориентирующих на воплощение эстетического замысла. Работа завершается выводом, что «Туманные аллеи» Алексея Слаповского формально являются переложением «Темных аллей» И. А. Бунина, но актуальная, действенная природа художественного слова и в том, и в другом циклах неоднородна. Иван Бунин более склонен к раскрепощению натуральности, показу естества, правда, в рамках классической, имплицитной литературы. У Алексея Слаповского авторская установка иного порядка – его привлекает экспликация

¹Безруков Андрей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета, г. Бирск, Россия.

старых тем, выстроенных по законам современности. Художественная форма рассказов Алексея Слаповского объективирует литературную классику, как бы оживляет ее, но и рисует проекцию постижения жизненных вопросов в пределах актуальной реальности. Данная работа может быть применима при изучении новейшего литературного процесса, при расшифровке признаков русского постреализма, детальной оценке прозы Алексея Слаповского.

Ключевые слова: Алексей Слаповский, постреализм, интертекстуальность, рассказ, эстетика чтения, Иван Бунин, структура, реципиент, сюжет, автор

Уникальность литературного процесса конца XX– начала XXI веков не вызывает сомнений. Основная проблема оценки этого периода заключается в том, что нельзя однозначно трактовать манифестацию и кодификацию тех или иных эстетических систем. В данном случае и «традиционный» реализм, и постмодернизм, и нео(пост)романтизм, и пост(нео)сентиментализм, и неоакмеизм [12], и, конечно же, постреализм. По меткому замечанию Н. Л. Лейдермана [5], данный термин не так точно обозначает явление современности. Однако в нем, безусловно, отображается кризис, переходность, даже некая катастрофичность, «гибельность» литературы. Но и в этом есть ряд положительных моментов, ибо нивелирование образцов в итоге, так или иначе, реверсом срабатывает в потоке диалога, оказывается непоколебимым желанием писателей свой голос сделать созвучным голосам континуума.

Тенденции постреализма следует усматривать в прозе [8] Владимира Маканина, Василия Аксенова [14], Сергея Довлатова, Захара Прилепина, Михаила Шишкина, Михаила Елизарова, отчасти Дмитрия Глуховского, и, конечно же, Алексея Слаповского. Тексты указанных авторов, на первый взгляд, имеют признаки формальной игры [9] с литературными образцами. Обозначим это как некую антиномию, дающую возможность более объективно оценивать данный сегмент. Однако произведения постреализма при ближайшем рассмотрении создают серьезный, концептуально-эстетический пласт, целостную смысловую сферу. Следовательно, постреализм есть не только фиксация/ноумен границ современного литературного процесса, но и вариативная стратегия нового эстетического порядка.

Отметим в начале, что традиционно основой художественного текста становится событие, факт, детальная манифестация и конкретизация тех или иных явлений. Литературный текст XIX века – века классического тона – ориентировал потенциального читателя

на спектральное расширение сюжета [2], отчасти на усложнение наличной, инвариантной фабулы. Современные условия [13], что вполне логично, диктуют иную канву художественного повествования [15]. Все больше писатели настоящего времени уходят в систему дробности, частности, некоего декламационного опрощения. Подобная «раскладка действий» встречается в повествовании у Людмилы Петрушевской, Виктории Токаревой, Татьяны Толстой, Дмитрия Глуховского, Дины Рубиной, Михаила Шишкина, Виктора Пелевина. Следует отметить, что такой способ реализации эстетического начала естествен для современного мира, не противоречив, ибо литературный процесс уже включал подобные эксперименты как в европейской версии, так и в отечественной. Яркий пример тому – творчество писателей-прозаиков начала XX века. Их привлекает малая форма, в данном случае усечение события, наличной ситуации, момента (эктомия). Следовательно, периодически такой подход к форме литературного произведения становится актуальным и значимым, востребованным и приоритетным.

Проза постреализма начала XXI века [6] в русской литературе многообразна, поскольку вариантная традиция позволяет авторам экспериментировать с формой, нивелировать жанр как строгую и четкую взаимозависимость частей целого, редуцировать «текстовую наличку», авторское отношение к теме, проблеме, идее. Таким образом, постреализм, на наш взгляд, способен эстетический передел оставлять в строгой номинации гипотетического, а рецептивный [1] – низводить до актуальных метафизических барьеров.

Вариантом подобного эксперимента становится сборник Алексея Слаповского «Туманные аллеи» (2018). Уже в Предисловии автор предвосхищает реакцию потенциальных читателей к заголовку (бунинский гипертекст). Слаповский использует самоиронию: «иронические», «как Алексей Иванович посягнул на Ивана Алексеевича», «с Буниным на короткой ноге», «Слаповский взялся переписывать Бунина...» и т. д.

«Туманные аллеи» Алексея Слаповского, конечно же, не переложение классики, не вариант травестирования (шаржевый, искаженный), не злорадство по отношению к личности Нобелевского лауреата и не самоуничужение в свете новой культуры. Это честная проза, новый тип повествования, рассказ о схожих человеческих чувствах, правда, реализованных спустя достаточно большой промежуток исторического времени. Данный цикл отражает искреннее желание автора, Алексея Слаповского, позволить читателю ощутить

желания, характерные для современного человека, почерпнуть «ценз эстетического» из классической прозы Ивана Бунина.

Для Алексея Слаповского важно сопоставить сюжеты, сравнить [4] условно «два времени», установить, а может, и зафиксировать принципы происходящих перемен в общественном сознании. Писатель открыт к диалогу с литературным предшественником. Заметно уже с первых рассказов цикла («Туманные аллеи», «Курица», «Сказки», «Ангела», «Надежда» и т. д.), что собственно сам автор и робеет, и страшится эксперимента, но испытывает удовольствие, создавая некое подобие бунинского текста, приобщаясь к мастерству стиля И. Бунина.

«Темные аллеи» И. А. Бунина как основа «Туманных аллеи» Алексея Слаповского выбраны неслучайно. В первую очередь, бунинский текст – это не что иное как циклическая форма, ориентирующая читателя на возможную «разверстку» сюжетных линий, схожих онтологически. Во-вторых, «Темнее аллеи» есть синтетический вариант реализации одной их важных тем русской, да и мировой литературы – темы любви. В-третьих, это условия, в которых создается бунинский сборник, – эмиграция, ностальгия, война, историческая катастрофа. «Туманные аллеи», как отмечает Алексей Слаповский, цикл рассказов по мотивам И. А. Бунина, – своего рода игра, возможно, исследование. Человеку по природе присуща изменчивость, при этом она может быть и социального, и психологического, и аксиологического порядка.

Этиология подобных изменений зафиксирована в научной среде. На динамику развития личности по причинам психологического, социального порядка обращали внимание ещё ученые античности, Возрождения, теоретики XIX–XX веков. Ценностные колебания, получившие художественное оформление, порождают вопросы. Очевидно, меняется не столько человек с гранями эмпирики наличного, внешнего [7], да и внутреннего мира, видоизменяется отношение человека к происходящему. Эта модель многообразных связей человека с самим собой и с другими людьми. Сложна оценка поступков, действий, фактов. Дисбаланс эстетической парадигмы, релятивизм по отношению к системе морально-нравственных идиом и становятся основой проблематики сборника Алексея Слаповского «Туманные аллеи».

«Туманные аллеи» Алексея Слаповского есть диалог писателя-постреалиста, в целом органичный и достаточно качественный, с классическим художественным мышлением И. А. Бунина, с бунинской манерой письма, это оппонирование в умении / неумении

представить вниманию читателя сюжетную перспективу, реализация темы. В критике встречается точка зрения, что И. А. Бунин был не очень органичен именно в художественном нарративе, ему не удавалось порой создать основательную фабулу, которая трагедийно разрешалась к финалу рассказа. С этой позицией отчасти можно согласиться, ибо подобные примеры есть в сборнике «Темные аллеи». Текст сложно организован, дан образный ряд, проекция времени/пространства, манифестирована тема, но художественная коллизия в сюжете ослаблена, ибо главной целью прозаика стала стилизация – язык.

Циклу Алексея Слаповского присуща интертекстуальность: на уровне архитектоники – три части; условного жанра (рассказы, очерки, малые повести), и, конечно же, художественной дешифровки тем. Думается, что и у Ивана Бунина, и у Алексея Слаповского в каждой из частей можно выделить по две «номинации», по две повествовательные конструкции, объективирующие эстетическую правду.

В **первой части** – это парные сингармонии: «Темные аллеи» – «Туманные аллеи», «Поздний час» – «Воскресенское кладбище», практически созвучно номинированные тексты, ибо они и открывают сборник. Во **второй части** происходит полная замена как названий, так и сюжетных ходов. Это «Руся» – «Вася Чернышевский» и «Натали» – «Соседка». Вариация на тему современных отношений, качество чувств становится свободным, игровым. И наконец, **часть третья** обрамляет цикл, как бы возвращает к бунинским номинациям: «Холодная осень» – «Русалка» и «Чистый понедельник» – «Жаль».

Мотивный план сборника «Туманные аллеи» Алексея Слаповского по всем трем блокам может быть дифференцирован на следующие частные **темы**: [семья, любовь], [судьба, телесность], [память, время]. Логика замещений усложняется с каждой новой частью, ибо они ориентируют читателя на метафизику движения от частности/случая до бытия/вечности. Причем данная парадигма редуцирует художественное повествование, обращает нарративный ряд в сочетание реверса и должествующей современной правды. У Алексея Слаповского эстетические координаты текстов находятся на границе высказанного ранее и только лишь проговариваемого. Писатель старается предусмотреть все возможные изводы трактовок, конечно же, не в буквальном смысле, но в потенциально желаемом.

Для примера сопоставим рассказ И. А. Бунина «Темные аллеи» и повествовательный конструкт А. Слаповского «Туманные аллеи», ибо именно эти тексты открывают циклы, задают авторский художественный тон наррации. В своем повествовании автор «Туманных аллей» соотносит исторические полюсы: «В окрестностях

поселка Вербилки, что в сотне километров от Москвы, на берегу реки Дубны находится пансионат, называемый «Гелиопарк». Места там чудесные, кругом лес, река течет плавно и тихо, можно ловить рыбу и прогуливаться на лодках. Или просто сидеть на берегу и думать. Отдыхать» [10, 11]. И у И. А. Бунина читаем: «В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом...» [3, 7].

Обозначенные пространственные координаты лишь отправная точка для раскрытия внутренней сути сюжетов в формате эстетики чтения. Бунинский вариант разрешения художественной коллизии, как понимаем, гораздо чувственнее и эмоциональнее: «Нет, Николай Алексеевич, не простила. Раз разговор наш коснулся до наших чувств, скажу прямо: простить я вас никогда не могла. Как не было у меня ничего дороже вас на свете в ту пору, так и потом не было. Оттого-то и простить мне вас нельзя. Ну да что вспоминать, мертвых с погоста не носят» [3, 10].

Вариант же Алексея Слаповского реалистичнее, грубее, с явным акцентом на социальный фактор: «И вдруг она услышала смех...

– Ты чего?

– Да я все о том же, насколько голова у нас замусорена! Естественно, я тут же «Американскую трагедию» вспомнил, как там парень девушку топил. Узнал, что беременная, повез на лодке кататься и утопил» [10, 18]. Транспозиция приоритетов в литературе постреализма имеет характер магистрального вектора. Для классического реализма недопустима вариация императива, ибо она могла разрушить целостность всей художественной канвы.

Для сборника «Темные аллеи» И. А. Бунина знаковым является рассказ «Поздний час». У Алексея Слаповского созвучен указанному тексту вариант – «Воскресенское кладбище». Тема судьбы, ухода из реальности/жизни в интерпретации И. А. Бунина эстетически точна. Герой «Позднего часа» в последний момент земного пребывания мысленно переносится в прошлое, вспоминает яркие моменты юности, объективирует вновь свою юношескую любовь: «Ах, как давно я не был там, сказал я себе. С девятнадцати лет. Жил когда-то в России, чувствовал ее своей, имел полную свободу разъезжать куда угодно, и не велик был труд проехать каких-нибудь триста верст. А все не ехал, все откладывал. И шли и проходили годы, десятилетия.

Но вот уже нельзя больше откладывать: или теперь, или никогда. Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо час поздний...» [3, 30].

У Слаповского крайность бытия имеет четко выраженные земные пределы – это могилы, памятники, пространство кладбища как таковое. Оно серое, ночное, мертвое, и что, самое главное – страшное, проникает в героев рассказа, а также нивелируется ими как вполне естественное: «Мы с другом Витей любили выпивать на старом Воскресенском кладбище, уже в ту пору закрытом для захоронений... Выпивать на этом кладбище мы любили потому, что оно все густо заросло деревьями и кустами, здесь было уютно...» [10, 50–51]. Акцентировано реалистическое начало с помощью приёма Витиной декламации, когда озвучиваются факты, мемориальные слова, ритуальные надписи, с ярким обращением к пространству, описанию датированной жизни, умением гипотетически воссоздать картину прожитого тем или иным человеком времени.

Внезапная смена наррации происходит в момент узнавания на одном из крестов фотографии «близкой», «любимой» девушки Вити, которая умерла год назад и которой было всего семнадцать. Хотя далее читатель узнает, что он буквально с ней никогда не виделся, это был некий мираж, явленный ему на одной из вечеринок. Но какое страшное, тяжелое чувство пережили герои, увидев фактически номинированное: «Она мне снилась все время. Я понял, что это та девушка, о которой я всю жизнь мечтал. Моя девушка. Везде искал, у всех спрашивал. И нашел... Вот здесь. Но я теперь никогда ее не встречу. Ты понимаешь? Никогда...» [10, 56]. Трагедия от увиденного переживается настолько сильно, что друзья даже затевают потасовку. Но иллюзорное осознание вербально успокаивает обоих: «Я люблю ее... а ты смеешься!» [10, 56.]. Констатация эстетического чувства облагораживает обоих, для них это озарение, которое должно неосознанно поменять отношение их к будущей жизни.

Алексей Слаповский вводит данный рассказ, конечно же, не случайно. Текст должен быть созвучен «Позднему часу», замысел раскрывается в финале. Друзья, выпавшись, отправляются домой, весело напевая маршевую песню. Их жизнь должна продолжаться, события радовать, но автор заключает: «Что тут скажешь, у нас ведь тогда еще никто из родных и близких не умер, да и сами мы с Витей были живы, а теперь только я» [10, 58]. Нестандартный вариант наррации, предложенный Слаповским, дает новый импульс и чувствам читателя, который грубость, нарочитое хамство Вити декодирует сочувствием к тому, кого больше нет. Модель поведения

последнего диалогически [11] выстраивает иерархию переживаний, парадигму естественных чувств, что важно и для художника слова, и для потенциального реципиента.

Таким образом, постреализм является закономерным этапом смены эстетических форм. Он унаследовал правильность языка, универсальность жанра, логику повествовательного хода, правда, реализованных уже в новых социально-исторических условиях. Художественная форма текстов Алексея Слаповского объективирует литературную классику, *оживляет* её для современного читателя.

Жизненные вопросы, которые поднимаются в «Туманных аллеях», учат не терять внутреннего самообладания, вселяют надежду, одновременно с этим показывают и страшные границы социального порядка. Любовь, семья, память как традиционный набор ценностей манифестируется Алексеем Слаповским в русле динамики малой формы – рассказов – далее объединенных в цикл. Предметно автор позиционирует правду наличной жизни, оговаривает мировидческие принципы, ориентирует на проверенную метафизику, естественную онтологию, требующие от читателя повышенного внимания.

Теургия «Темных аллей» И. А. Бунина – в естественности изображения и одновременно с этим идеализации сюжетов. Привлекательность и актуальность «Туманных аллей» Алексея Слаповского – в феноменальности и эксцентричности решения вопроса редукции классического художественного повествования.

Литература

1. Безруков А. Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход: монография. Санкт-Петербург: Гиперион, 2015. 298 с.
2. Безруков А. Н. Субституция сюжета в новейшей русской прозе // Нижневартковский филологический вестник. 2020 № 1. С. 3–10.
3. Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 т. Т.6. Москва: Воскресенье, 2006. 488 с.
4. Васильева-Шальнева Т. Б. Национальное и конфессиональное в произведениях А. Слаповского «Первое второе пришествие» // Филология и культура. 2014. № 1(35). С. 168–172.
5. Лейдерман Н. Л. Постреализм: теоретический очерк. Серия «Литературоведение XXI века: методология и теория». Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, Словесник, 2005. 244 с.

6. Маркова Т. Н. Современная русская литература: учебное пособие. Челябинск, Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2019. 241 с.
7. Осьмухина О. Ю. Специфика изображения провинции в отечественной прозе конца XX столетия // Филологическая регионалистика. 2016. № 3(19). С. 15–19.
8. Русская проза рубежа XX-XXI веков: учебное пособие / Под ред. Т. М. Колядич. М.: Флинта, 2011. 520 с.
9. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2007. 608 с.
10. Слаповский А. И. Туманные аллеи: [рассказы]. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 507 с.
11. Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 36–45.
12. Фетисова Е. Э. Неокмеизм в контексте художественных направлений XXвека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. №3. С. 118–126.
13. Черняк М. А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. Санкт-Петербург: САГА, 2009. 175 с.
14. Шиновников И. П. Поэтика постреализма в романе В. П. Аксенова «Кесарево свечение» // Филология и человек. 2010. №3. С. 98–108.
15. Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. Москва: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

REFERENCES

1. Bezrukov A. N. Retseptsiya khudozhestvennogo teksta: funkcional'nyj podkhod: monografiya. Saint-Petersburg: Giperion, 2015. 298 p.
2. Bezrukov A. N. Substitutsiya syuzheta v novejshej russkoj proze // Nizhnevartovskijfilologicheskijvestnik. 2020 № 1. Pp. 3-10.
3. Bunin I. A. Polnoe sobranie sochinenij v 13 t. T.6. Moscow: Voskresen'e, 2006. 488 p.
4. Vasil'eva-SHal'neva T. B. Natsional'noe i konfessional'noe v proizvedeniyakh A. Slapovskogo «Pervoe vtoroe prishestvie» // Filologiyai kul'tura. 2014. № 1(35). Pp. 168–172.
5. Lejderman N. L. Postrealizm: teoreticheskij ocherk. Seriya «Literaturovedenie XXI veka: metodologiya i teoriya». Ekaterinburg: Ural'skijgos. ped. un-t, Slovesnik, 2005. 244 p.

6. Markova T. N. *Sovremennaya russkaya literatura: uchebnoe posobie*. CHelyabinsk, Izd-voYUzhno-Ural. gos. guman.-ped. un-ta, 2019. 241 p.
7. Os'mukhina O. YU. *Spetsifika izobrazheniya provintsii v otechestvennoj proze kontsa XXI stoletiya// Filologicheskaya regionalistika*. 2016. № 3(19). Pp. 15-19.
8. *Russkaya proza rubezha XX-XXI vekov: uchebnoe posobie / Pod red. T. M. Kolyadich*. Moscow: Flinta, 2011. 520 z.
9. Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura*. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 608 p.
10. Slapovskij A. I. *Tumannyeallei: [rassказы]*. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoj, 2019. 507 p.
11. Tyupa V. I. *Kommunikativnye strategii teoreticheskogo diskursa // Kritika isemiotika*. 2006. Vyp. 10. Pp. 36-45.
12. Fetisova E. E. *Neoakmeizm v kontekste hudozhestvennyh napravlenij XXveka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2016. №3. Pp. 118–126.
13. Chernyak M. A. *Otechestvennaya aproza XXI veka: predvaritel'nye itogi pervogo desyatiletija*. Saint-Petersburg: SAGA, 2009. 175 p.
14. Shinovnikov I. P. *Poetika postrealizma v romane V. P. Aksenova «Kesarevo svechenie» // Filologiya i chelovek*. 2010. №3. Pp. 98–108.
15. Epshtejn M. N. *Postmodern v Rossii. Literatura I teoriya*. Moscow: Izdanie R. Elinina, 2000. 368 p.

**ALEXEY SLAPOVSKY'S POST-REALISM:
REDUCTION OF ARTISTIC NARRATION
(CYCLE «MISTY ALLEYS»)**

A. N. Bezrukov

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology,
Bashkir state University, Branch of Birsky
(Birsk, Russia)

Abstract

This article attempts to describe the specifics of the artistic narrative in the prose of Alexei Slapovsky. He continues the legacy of the literary classics of the late 19th – early 20th centuries. It is expedient to correlate the writer's work with the variation of the further development of Russian realism, with its new stage. It is more correct to assess this type of aesthetic system as post-realism. The texts by Alexei Slapovsky are attracted by the fact that they organically continue the literary dialogue, which is holistic, variable and nontrivial. The author focuses on such an experiment as well as his potential reader, using, in particular, the principles of intertextual play.

The literary base of the work is a collection of stories by Alexei Slapovsky «Misty Alleys». In our opinion, the literal dialogue with «Dark Alleys» by I. A. Bunin for a post-realist writer is a variant of rethinking a number of topics that are most significant for our time. In Slapovsky's story, the format of the story is reduced, the plot is transformed, but the allusional background remains, because it is a link between the extremes of different historical eras. The analysis of the stories is compiled, since the main purpose of the article is to determine the main coordinates, orienting towards the embodiment of the aesthetic intention. The work ends with the conclusion that «Misty Alleys» by Alexei Slapovsky formally are an arrangement of «Dark Alleys» by I. A. Bunin, but the actual, effective nature of the artistic word is heterogeneous in both cycles. Ivan Bunin is more inclined to emancipate naturalness, to show nature, however, within the framework of classical, implicit literature. Alexei Slapovsky's author's attitude is of a different way – he is attracted by the explication of old themes, built according to the laws of modernity. The artistic form of Alexei Slapovsky's stories objectifies the literary classics, as if revives it, but also draws a projection of the comprehension of life issues within the limits of actual reality. This work can be applied in the study of the latest literary process, in deciphering the signs of Russian post-realism, in a detailed assessment of Alexei Slapovsky's prose.

Keywords: Alexey Slapovsky, post-realism, intertextuality, narration, reading aesthetics, Ivan Bunin, structure of the text, recipient, story, author

Для цитирования: Безруков А. Н. Редукция художественного повествования в прозе постреализма (цикл «Туманные Аллеи» Алексея Слаповского) // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 24–34.

Поступила 30.10.2020